

# Пурачѣвка, 6

Май 2002

## В сегодняшнем номере:

**От замысла до воплощения**  
эксперименты на старшекласниках

**Во мне всего понамешано**  
интервью с Сергеем Савиным



**Не оставляйте  
стараний, маэстро**  
специальное театральное приложение



**Волга-Волга**  
один из способов отдохнуть

**Дорогами войны**  
гимназисты помнят

# Не оставляйте стараний, маэстро...

Театральное приложение. Апрель 2002

Во время спектакля у меня было смешанное чувство радости и страха. Какие-то стихи и песни были знакомы и звучали на сцене по-новому, не так, как я их читала, какие-то строки задевали самое близкое и дорогое — душу. Уже после спектакля, много после, пришло на ум: моя, моя это боль! И тут же забылось все; осталось одно чувство — чувство, что я в этом мире не одинока, что есть вокруг люди, с приходом которых исчезает пустота.

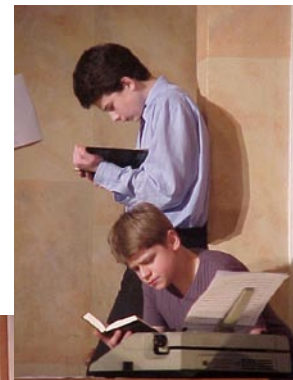
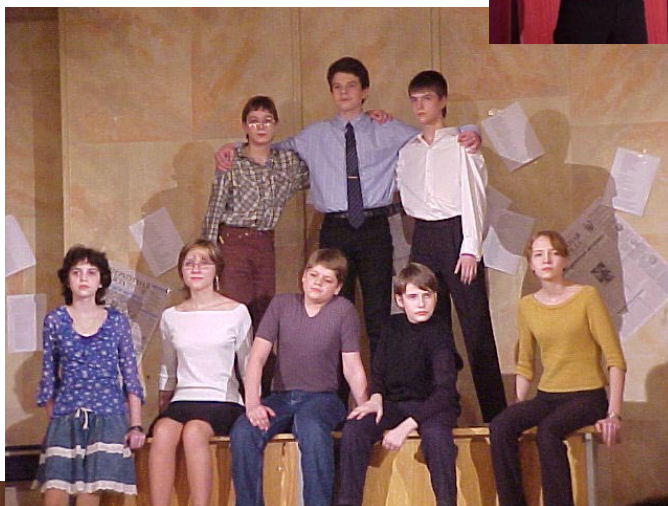
Отдельный след в памяти оставили песни. Не знаю, может, просто они подобраны были так хорошо, может, это я такая сентиментальная, но что-то заставляло не думать, а чувствовать весь спектакль, каждое слово во время песни. Как только раздавалась музыка, я вздрагивала и забывала, что это просто кассета, что на сцене — мой учитель и ребята, которые на каждой перемене проносятся мимо меня. Что-то в музыке заставляло не разделять песню и просто стихи, голос певца и голос подростка, стихи поэтов и прозу гимназической жизни: актовый зал, чье-то постоянное шуршание, — оставалась только сцена и то, что подарило нам искусство.

*Екатерина Федорова*

Зрителей в зале было сравнительно мало как в первый, так и во второй день. Но это не главное. Похоже, новое детище театральной студии не на многих произвело впечатление. К этим людям отношусь и я. Мне не очень-

то понравилось отсутствие сюжета. К тому же, когда я в первый раз увидела афишу, не думала, что все опять будет основано на стихотворениях. Но если во время прошлого спектакля на глаза иной раз накатывались слезы, то в этот раз ничто не вызывало каких-либо эмоций. И вспомнить особенно нечего.

*Наталья Михайлова*



Авторы отошли от привычной прозы и поставили спектакль в стихах. Хорошо, что наши театралы ищут новый подход к постановкам, последняя из которых получилась очень удачно. Экспериментируйте еще! Молодцы!

*Алена Степанова*

Нам очень понравилось, но я думаю,

что многие ученики спектакль не поняли, так как он тяжелый. Впечатление было настолько сильным, что я долго не могла придти в себя.

*Екатерина Дорошина*

Как хорошо, что не было программки. Она всегда настраивает. И настраивает, естественно, на главную тему спектакля. В этот раз она бы только сбивала.

Потому что и актеры, и режиссер вышли за рамки пьесы. Это получилось само собой, не задумываясь, — как первая импровизация в «Кадише». И спектакль совсем не о свободе творчества.

Он — о людях. О людях, которые ждут и надеются. О верных соседях и несчастных эмигрантах. О тех, кто живет и мечтает о взрослом велосипеде и книжке без поправок. Мечтает, срываясь на крик и истерики...

А зал молчит. Ему все равно, где похоронили Мандельштама и какая настоящая фамилия Анны Андреевны. Он тоже выбирает. Выбирает между юной надеждой и уверенным в себе опытом, честно заработанными деньгами и настоящей честностью. И — не может выбрать. Потому что положительных героев на сцене нет. В жизни ведь вообще нет героев. Зато есть песни. В спектакле они звучат совершенно естественно, как очередное

проявление многогранной жизни. Так же, впрочем, как и стихотворная форма. Ведь каждый когда-нибудь чувствовал себя поэтом.

Поздравляю, вы снова сыграли нас! И снова обманули... только вот не знаю, кого.

*Ирина Григорьева*



## Взгляд со стороны?

«Не моя это, вроде, боль»... Вроде не имеет ко мне все происходящее на сцене отношения, да и лучше авторов не скажешь... Но уже не первый день бьется что-то внутри меня — в душе, в подсознании, назовите как хотите. И рвется наружу. И не только по привычке села я писать статью про новый спектакль столь любимой мною студии, хотя являюсь ее верным зрителем уже не так мало лет (для меня это значительный отрезок времени). Я поняла, что не могу не попросить вас: подумайте о том, что было показано на сцене. А когда покажется, что все поняли, подумайте еще немного. И тогда, быть может, вы поймете, что это все же и ваша боль тоже.



А теперь позвольте немного рассказать о том, до чего додумалась я. Я не в коей мере не претендую на попытку анализа этого спектакля. Просто, в сущности, одна мысль, идея, касающаяся даже не всего спектакля в целом, а только одной его стороны. Но для меня это стало главным.

Итак, в спектакле есть героиня Светланы Тороповой — эдакая примерная девочка. В любом обществе всегда есть люди, которые делают все так, как надо: даже стихи они пишут аккуратным почерком и без помарок. И вроде бы она сидит за своим столом, отдельно от остальных героев, но на самом деле она гораздо ближе к «книжным детям», чем может показаться на первый взгляд. Станет ли кто-нибудь из молодежи поэтом? Неизвестно. Но можно сказать почти наверняка, что некоторые из них станут такими же примерными и послушными «охотниками за правдой» — путь этот короче, легче и к тому же усыпан всяческими благами.



Наверное, проще всего сделать ту-которая-сидит-за-столом ответственной за все гонения и мучения поэтов — неким злым демоном, в образе которого сплелись воедино и КГБ, и Сталин, и те, кто травил Пастернака, и кто запрещал Высоцкого и Галича... Все это, конечно, правильно, но интереснее, на мой взгляд, другое: а как она очутилась за этим столом? И я мысленно вижу девочку, которой тоже хотелось признания, может быть, славы. И они пришли — «привет тебе, с новой книжкой!» Но то, что стихи опубликованы, еще не означает, что они хороши. А так хочется в это верить. И она верит... пока. И искренне недоумевает, зачем, ради чего кто-то рядом «сам в себя колотится до крови». Ей, может быть, даже виднее и понятнее, чем молодежи, что все бесполезно. «И снова будут дробить суставы и зажимать кулаками рты» — отчаянье звучит в ее словах, и это не позволяет мне воспринимать этот образ просто как воплощение всего подлого и злого. У нее страшная судьба, развязка ее скрыта от нас, но прожить жизнь с признанием вроде бы, с суперобложкой этой треклятой, а потом вдруг осознать всю никчемность деланного... Есть заблуждения, за которые приходится расплачиваться жизнью.



Но есть в спектакле еще один герой (на мой взгляд — главный), который тоже находится вроде бы вне происходящего с «книжными детьми». Я говорю о Поэте (большая буква здесь не подразумевает глобальность вклада в искусство, просто нужно же как-то его называть), роль которого сыграл, а может, прожил, В.А.Терехов. На протяжении почти всего действия он вроде бы рядом с остальными, но видит что-то свое, говорит о своем. Как будто его окружают чудовища... Или призраки замученных, убитых, изгнанных? Не отпускают, не дают покоя, мешают писать. И одновременно не позволяют оставаться в стороне, в уютном кресле — невозможно слушать о мечтах, которым не суждено сбыться. Причем никогда. Это молодежи кажется, что через тридцать лет — это скоро, что эта книжка через столько времени будет иметь значение... Но ведь эти годы надо еще прожить, оставшись самим собой и не сойдя с ума. А его окружают призраки — те, кому это не удалось: их стихи теперь печатают в школьных учебниках, а они не знают... Можно опоздать не только на тридцать лет, но и на целую жизнь.



Но в самом конце спектакля Поэту даны-таки «покой и воля» — те самые, о которых мечтал еще А.С.Пушкин. Он понимает и вновь начинает верить, что четыре копии — достаточно. И примечательно, что убеждает его в этом именно «племя младое» своим задором юношеским, верой, страстью, готовностью бороться за правду, а не за почести. Впервые мы видим на лице Поэта улыбку. Он смог справиться со своей болью, нет, не забыть — все воспоминация по-прежнему с ним, но теперь он сможет доделать в своей жизни то, что должен. А этого достаточно, чтобы «спасти старую шхуну Земли».

## Светлана Торопова: «Комедия – не мой жанр»



**Света, как ты получила эту роль?**

Где-то в феврале ко мне подошел Вадим Александрович и сказал, что было бы неплохо поиграть на несоответствии внешности – белокурой романтической барышни – и жесткой роли. Это Вадиму Александровичу было интересно; мне интересно стало уже потом.

**В прошлом году в гимназии было две студии; в этом году осталась только «младшая». Ты работала в обеих – есть разница?**

Для меня было вообще странно: как это – играть в младшей студии? Это потом уже я поняла, что младшие ни в чем не уступают старшим, что с ними не менее интересно. Для меня их потенциал был большой неожиданностью. И если теперь кто-то из них говорит про меня «это наш человек», то я очень рада.

Но разница есть. У них пока еще отношение к себе как к детям (может быть, неосознанное). Я не буду приводить конкретные примеры, но они сами себя еще не осознают полноценной театральной студией, они остались «младшими» – для себя, а потому – и для режиссеров, и для всех остальных. Мне кажется, причина в том, что в этом году не было полноценного спектакля – на два часа, с программками... Когда будет серьезная, взрослая пьеса – они дорастут. Они уже готовы переродиться, перестроиться, стать достойными продолжателями нерадивых выпускников, которые забили на все. И мы еще посмотрим, кто кого!

**А есть шанс, что на будущий год вернется кто-нибудь из выпускников?**

Я постоянно слышу разговоры: ой, как хочется играть! Как тянет! Но мое личное глубокое убеждение, что этого не будет (хотя мне этого и хочется). Если в этом году никто не смог, то тем более через год никто не сможет; у всех найдется сто миллионов причин, чтобы не смочь. Для них студия стала чем-то недостижимым, желанным, но невозможным.

**Поговорим о спектакле. Если ли особенности работы в жанре литературной композиции?**

Литературная композиция в стихах – это очень интересно. Когда я первый раз читала



текст и когда мы закончили работать – это были совсем разные стихи. Оказывается, в них можно найти такой глубинный смысл, можно их так перевернуть! В прозаическом тексте всегда можно переставить слова, заменить, а тут – нельзя, тут ты ограничен, а реализовываться надо, и это здорово! Хотя для зрителя этот жанр сложнее, потому что трудно понять все с



первого раза – и стихи, и внутренний смысл, и сюжет. Но мне нравится.

**Кого или что, с твоей точки зрения, ты играла?**

Это была для меня новая роль. Когда мне дали текст, я вообще не понимала, что от меня хотят в той или иной реплике. Если бы мне с самого начала не объяснили, не дали режиссерской установки, я бы, наверное, не поняла, что играть...

Я играла власть во всех ее проявлениях. Этакую Даму. Я не думаю, что такие люди есть, я таких людей в жизни не встречала, так что мне кажется это немножко выдуманный персонаж, собирательный образ. Это соединение всех родов власти. Интересно, но не из жизни. А интересно мне было играть ее, именно играть, понимать.

**Когда Вадим Александрович на сцене – это чувствуется?**

Да. Все равно он в первую очередь режиссер, и когда идут прогоны, хочется, чтобы он сидел в зале, а не на сцене, чтобы смотрел, что происходит. Все равно на него реагируешь больше как на режиссера, а не как на актера, как на партнера – лично я всю его мимику, все движения воспринимала на свой счет именно как Света Торопова, а не как моя героиня.

**А кто мог бы заменить Вадима Александровича на сцене?**

Из нынешних студийцев – никто. Это должен быть умудренный опытом человек, чтобы это по лицу было видно, а не только на словах. Выпускники, может быть, были бы ближе – ростом, весом – к нужному образу, но мудрость – не ум, не интеллект, а именно мудрость – на лице у них тоже еще не проявилась.

**Каким ты видишь свое участие в студии на следующий год?**

Если в следующем году, даст Бог, курсы не будут совпадать с театральной студией, и удастся каким-то образом скрыть от родителей мое появление в театральной студии...

**Это обязательное условие?**

Да. Я уверена, что они этого не поймут, не разрешат... Я буду рада, если меня опять пригласят, если дадут какую-то роль. Хочется играть.

**А что хочется сыграть?**

Не хочется играть комедию. Хочется сыграть что-то серьезное, даже надрывное, сумасшедшее... Вот Сартра, например. Комедия – все-таки не мой жанр.



## Поразмышляем об увиденном

26 и 27 апреля наша драматическая студия представила поэтический спектакль-размышление о цене свободы творчества «Не моя это, вроде, боль...»

Приглашая меня на премьеру, Вадим Александрович предупредил сразу: «Это спектакль не для всех, не для шестиклассников. В нем нет действия, сюжета; младшим гимназистам смотреть и слушать будет трудно.» Вняв совету режиссера, своих шестиклассников на спектакль не взяла. И правильно сделала.

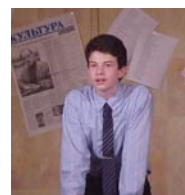
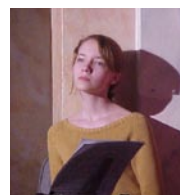
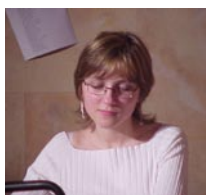
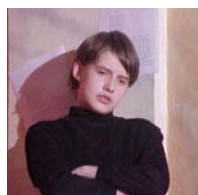
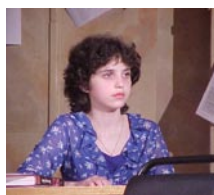
После спектакля, обменявшись мнениями с несколькими коллегами, убедилась в своем: «Этот спектакль не для всех, а, как сейчас многие говорят, для продвинутых гимназистов, для гимназической элиты, для тех, кто любит поэзию, много читает, кто по сравнению с другими «ушел» немного вперед в восприятии и осмыслении прекрасного, сложного и трагического.» А спектакль этот действительно о прекрасном — поэзии, о трагическом — судьбе свободного художника в тоталитарном мире. И если бы только в тоталитарном... За свободу быть самим собой, поступать по совести, не оглядываясь на суд окружающих, любая личность платит всегда дорого. А истинный художник, поэт — во сто крат дороже.

И юные актеры старались, читая стихи наших великих поэтов, донести до наших душ эту боль, боль тех, кто смог передать страдания своих современников, веру в Человека, в то, что жизнь, несмотря ни на что, прекрасна.

Спектакль понравился, по-моему, всем, кто был в зале; мы сразу поняли: то, что нам предлагают со сцены, — это серьезно. Вслушались и поняли, что это и интересно. Да, играть актерам этот спектакль было нелегко, как нелегко было воспринимать его и зрителям. Но кто сказал, что произведения искусства — это развлечение, отдых, а не работа ума и души?

В том, что такие спектакли нужны в нашей гимназии, у меня нет никакого сомнения. И чем чаще они будут появляться на сцене гимназии, тем больше зрителей будет в зале. И зрители эти будут какими? Умными, образованными. А гимназисты по сравнению с ребятами из общеобразовательных школ какие? То-то же... Значит, элитные спектакли в гимназии просто необходимы.

*Н.В.Савинкова*



## Обратный отсчет

**120 минут до начала спектакля.** Ты должен взять швабру в руки, чего не позволяешь себе даже дома, ссылаясь на свою вечную занятость, повертеть ее в руках, не зная, что с ней делать, и подумать мимоходом, а нельзя ли приделать к ней моторчик...

Поразмыслив, что во всяком случае до начала спектакля сделать это не удастся, перекидываешь ее другому. Когда после всех перекидываний швабра все-таки возвращается к тебе, ты понимаешь, что ее в любом случае придется использовать по назначению.

**100 минут до начала.** Пока ты вылизываешь зал и сцену, твои товарищи используют свою силу и мощь, нажимая на кнопки, включающие то свет, то музыку.

**90 минут до начала.** Нельзя забывать о поклонниках! Ты просто обязан проявить заботу о ближних: всего полтора часа до начала спектакля, а места для них не забронированы... Ой! Как же приятно пестрит зал беленькими листочками с указанными на них фамилиями самых дорогих и близких!

Забронировав всей студией большую часть зала, с чувством выполненного долга приступаешь к установке декораций и реквизита. И не забудь, что вчера поставленная не с той стороны скамейка мешала весь спектакль и тебе, и твоим товарищам.

**60 минут до начала.** Появляется заботливая «матушка-режиссер», напоминая забывшим о себе звездам о необходимости «перекусона». Голодному с пятого этажа на первый легче, чем сытому обратно...

**30 минут до начала.** Уже сердца бьются чаще!.. Кто-то сеет хаос, кто-то сеет панику... Кошмар: через полчаса зал наполнится зрителями, а лица актеров до сих пор такие же, как у всех! Вприпрыжку, перегоняя коллег, устремляешься в гримерную.

**10 минут до начала.** Преобразившись ликом и облачившись в костюмы, ведешь обычный закулисный разговор.

**3 минуты до начала.** Ты выслушиваешь последние наставления режиссера: во-первых, совершенно забыть о вчерашнем спектакле, его не было, нет и не будет, во-вторых, крепко держать паузу в руках и, наконец, не гнать лошадей...

**5 секунд до начала.** Ты затаил дыхание. Музыка... Свет... Начали!

*Подглядывала и подслушивала Дарья Павлович*